

УДК 93

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-4

Скрипкин И. Н.

Проблема призвания варягов и формирование русской национальной идентичности в отечественной историографии XIX века

Липецкий казачий институт технологий и управления (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», ул. Краснознаменная, влд. 4, г. Липецк, 398006, Россия;
Ivan-skripkin@yandex.ru

Аннотация. Одна из важнейших проблем, существующих в отечественной исторической науке и философии начиная с грандиозных, но крайне противоречивых петровских преобразований, – проблема кризиса идентичности, поиска пути собственного развития, можно сказать, борьба между западничеством и самобытностью. Следствием такого поиска всегда является возрастающий интерес к родной истории, ее истокам. Этот интерес возник в XVIII–XIX вв. Актуален он и для современного русского общества. Основные вопросы, которые при этом задаются: были ли мы на протяжении истории отсталыми и зависимыми от других стран; каковы истоки и характер государственной власти в нашей стране; в чем заключается особый «русский характер»? Следует подчеркнуть, что однозначные ответы на вышеназванные вопросы ни в XVIII, ни в XIX, ни даже в XX и XXI веках получены не были. Это связано как с их политизированностью и общей идеологической направленностью, так и с противоречивыми источниковыми данными, позволяющими по-разному трактовать события 862 года, традиционно считающиеся началом истории России. Речь идет о проблеме призвания варягов (так называемый «варяжский вопрос» в исторической науке) и ее осмыслении в отечественной науке.

«Варяжский вопрос» в русской истории – особый вопрос. Его объективная сложность заключается в запутанности и противоречивости источниковой базы, включающей в себя разновременные данные о варягах и русах, содержащиеся в византийских, арабских, западноевропейских и, конечно же, русских источниках, обозначающих терминами «варяг» и «рус» разные народы, социальные группы, что не может не вызывать сложность при определении достоверности трактовки источниковых данных. Однако еще большая сложность этого вопроса заключается в противоборстве сложившихся в исторической науке двух течений, *норманизма* и *антинорманизма*, не позволяющем историкам, придерживающимся той или иной версии, объективно, без пристрастия, рассматривать и оценивать исторические данные. Решение варяжского вопроса субъективно связано также с общими мировоззренческими представлениями историков о пути развития России, ее специфике по сравнению с государствами Запада и Востока. Данный вопрос очень сложно решить. Тем не менее, от его решения зависит выбор пути развития России.

Ключевые слова: летописи; норманизм; антинорманизм; варяги; государственность; политогенез; социогенез

Для цитирования: Скрипкин И. Н. Проблема призвания варягов и формирование русской национальной идентичности в отечественной историографии XIX века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 2. С. 33-43. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-4

I. N. Skripkin

The problem of the vocation of the Varangians and the formation of Russian national identity in the Russian historiography of the 19th century

Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management, 4 Krasnoznamennaya St., Lipetsk, 398006, Russia; *Ivan-skripkin@yandex.ru*

Abstract: One of the most important problems that exist in Russian historical science and philosophy, starting with the grandiose, but extremely contradictory Peter's transformations, is the problem of the crisis of identity, the search for a way of their own development, we can say, the struggle between Westernism and identity. The result of such a search is always an increasing interest in the native history, its origins. This interest arose in the 18th and 19th centuries. It is also relevant for modern Russian society. The main questions that are asked here are: have we been backward and dependent on other countries throughout history, what are the origins and nature of state power in our country, what is the special "Russian character". It should be emphasized that unambiguous answers to the above questions were not received in the 18th, 19th, or even 20th and 21st centuries. This is due both to their political nature and general ideological orientation, as well as to the contradictory source data that allow for different interpretations of the events of 862, which are traditionally considered the beginning of the history of Russia. We are talking about the problem of the vocation of the Varangian (the so-called "Varangian question" in historical science) and its understanding in Russian science.

The "Varangian question" in Russian history is a special question. Its objective complexity lies in the complexity and inconsistency of the source base, which includes different-time data on the Varangian and Russ contained in Byzantine, Arab, Western European and, of course, Russian sources, which denote different peoples and social groups by the terms "Varangian" and "Rus", which cannot but cause difficulty in determining the reliable interpretation of the source data. However, an even greater complexity of this issue lies in the confrontation between the two trends that have developed in historical science, Normanism and antinormanism, which does not allow historians who adhere to one or another version to objectively, without bias, consider and evaluate historical data. The solution of the Varangian question is also subjectively connected with the general worldview ideas of historians about the way of development of Russia, its specifics in comparison with the states of the West and the East. This issue is very difficult to solve. Nevertheless, the choice of Russia's development path depends on its decision.

Keywords: chronicles; Normanism; antinormanism; Varangian; statehood; politogenesis; sociogenesis

For citation: Skripkin I. N. (2021), "The problem of the vocation of the Varangians and the formation of Russian National Identity in the Russian historiography of the

XIX century”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (2), 33-43,
DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-4

Одна из важнейших проблем российского общества XVIII-XIX вв., начиная с колоссального перегиба петровских преобразований, – проблема кризиса идентичности, поиска пути собственного развития через осмысление ошибок прошлого. Русское общество XVIII-XIX столетий мучительно пыталось найти свое место в сообществе государств (каких? – Европы? Азии? Евразии?). Этот поиск возобновился в условиях идеологического вакуума начала 90-х гг. XX столетия, когда погиб Советский Союз и вновь встал вопрос: идти ли нам, русским, навстречу Западу или искать собственный путь развития?

Именно в атмосфере идеологической неопределенности вновь вспыхнул, казалось бы, затихший спор норманистов и антинорманистов. Возрождение антинорманизма связано с именем одного из выдающихся историков современности – А.Г. Кузьмина. Именно его работы позволили по-новому взглянуть на «старые проблемы».

И вновь вспыхнули споры, которые до сих пор продолжаются на страницах журналов, интернет-ресурсов и т. д. Появились и новые подходы, которые стремятся радикально по-новому переосмыслить начальные страницы русской истории. Обобщенно такой подход был нами назван вненорманистским (см.: Скрипкин, Шкурат, 2019).

В пылу полемики не всегда удается выдержать беспристрастный научный тон. Порой научные противники, как на настоящей войне, используют ненаучные обороты, характеризуя и критикуя взгляды друг друга, обвиняя в псевдонаучности и создании фейков. Это свойственно и норманистам, и антинорманистам. Так, О.Л. Губарев в работе, написанной с явной поддержкой деятельности Л.С. Клейна, обвиняет антинорманизмов в сектантстве, при этом автор сам воссоздает новый образ

«святого подвижника» уже норманизма – Л.С. Клейна (см.: Губарев, 2020).

Вернемся к духовным поискам русского общества XIX века.

Духовные искания пути собственного развития, продолжавшиеся на всем протяжении XIX столетия, всколыхнули интерес разновозрастного населения к истокам русской цивилизации, тем самым подогревая споры о процессе образования Киевского государства, началом которого считалось призвание варяга Рюрика на княжение в земли новгородских словен, кривичей и веси.

Большую роль в процессе формирования интереса русского общества XIX века к родной истории сыграла «История государства Российского» Н.М. Карамзина. А.С. Пушкин писал: «Все, даже светские женщины, бросались читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили» (Пушкин, 1962: 279). Это грандиозное по своей масштабности и стилю произведение, тем не менее, сыграло не только положительную роль. Дело в том, что Н.М. Карамзин своим авторитетом утвердил в нем и в сознании русского общества норманскую концепцию происхождения Русского государства, ставшую на долгие десятилетия основой для понимания начала процесса политогенеза и специфики влияния Европы на Россию: ведь именно Европа подарила нам государство и обеспечила всем необходимым для эволюционного развития. Н.М. Карамзин на вопрос: «Какой же народ назывался русью?» отвечал, что варяги-русь обитали в королевстве шведском, где одна приморская область издавна именуется Roslagen. К тому же финны называли жителей этой области ротсами (руотси) (Карамзин, 2003: 24). Находясь

под бесспорным влиянием А. Шлёцера, он, вслед за ним, утверждал, что с норманна Рюрика начинается собственно русская история, а до его призвания восточные славяне жили разрозненно, ничего стоящего не совершали и в мировой истории никак себя не обозначили.

Историки-норманисты особенно часто использовали строчки из летописи о том, что славяне «жили звериным образом» до прихода варягов. Данные строки относятся к описанию летописцем восточнославянских племен. Контекст источника позволяет предположить, что летописец родом из Киева, в прошлом земли полян. Именно поэтому автор «облагораживает» обычаи полян и «очерняет» образ жизни соседних племен. Следовательно, мы имеем дело с тенденциозностью летописца, заведомо предвзято относящегося ко всему «не-полянскому». Тенденциозность летописца многократно увеличилась тенденциозностью историков, которые усилили негативный оттенок высказывания и превратили восточных славян в «дикарей». К большому сожалению автора этих строк, цитата летописца о славянах, живших «звериным образом», выхваченная из контекста, вошла в школьные учебники истории, издававшиеся как в XIX веке, так и в XX. Собственно, используется она до сих пор, несмотря на то, что на учебниках написано «ФГОС 2 поколения». Таким образом, у подрастающего поколения изначально складывается образ Руси как дикого государства, а их предков – как дикого народа.

Подобный ультраанорманизм, укоренившийся в сознании русского общества XIX века, доживший, как это ни странно, до нашего времени (достаточно почитать работы современных норманистов), зародился в шведской историографии – в трудах шведских авторов XVII века П. Петрея, Ю. Видекинди, А. Скарина. На русской почве оно получило развитие в трудах Г.З. Байера «О варягах» (см.: Байер, 1767), А.Л. Шлёцера (см.: Шлёцер, 1809; 1816) и О.И. Сенковского (см.: Сенков-

ский, 1834). Основа ультраанорманизма заключается в идее о неспособности славян самостоятельно, без вмешательства извне, создать собственное государство. Методологически ультраанорманизм согласовывался с идеей завоевания как основного средства образования государств.

А.Л. Шлёцер, в трудах которого теоретически обоснованно возникла концепция норманизма, представлял процесс развития русского государства аналогичным тому, который происходил в Западной Европе – как следствие завоевания восточных славян германским племенем, принесшим на славянскую землю начатки цивилизации, создавшим государство у славян. Тот же процесс протекал в Европе вследствие завоевания Римом кельтских и германских народов и наоборот – вторжения варваров в Империю и ее завоевания. Однако концепция завоевания противоречила летописному преданию о добровольном призвании варягов, поэтому ученый считал это предание вымыслом переписчиков. Шлёцер был уверен, – отмечал В.А. Мошин, – что в России, как и во всей остальной Европе, произошло завоевание, разделившее население ее на победителей и побежденных (Мошин, 1931: 129).

Наиболее радикальное течение ультраанорманизма в XIX в. связано с именем О.И. Сенковского. В его концепции Русь – это продукт бурной и плодотворной деятельности скандинавов, которые внесли изменения (или создали) буквально во все сферы общественной жизни славян: «руссы (они же скандинавы – *И. С.*) привезли с собою все свои нравы, обычаи, понятия, правление, веру, и даже полный причет своих священнослужителей» (Сенковский, 1834: 18).

Удивительно, но идеи ультраанорманизма живы и в современной отечественной историографии, несмотря на сформированные в советское время методологические принципы политогенеза, согласно которым только внутренние предпосылки ведут к образованию государственности, что не исключает возможности «навязыва-

ния» ее извне в виде завоевания, призвания, привнесения и иных форм внешнего воздействия. Так, в работах Р.Г. Скрынникова (см.: Скрынников, 1997), посвященных истории Киевской Руси, подчеркивается, что неправомерно говорить о быстром ассимилировании норманнов в славянской среде, о чем в большинстве своем говорят историки-норманисты, дабы объяснить факт отсутствия норманнского влияния в языке, традициях, обычаях Руси, ссылаясь при этом на договоры Олега с греками, где представлены имена княжеских дружинников, которые можно трактовать, по его мнению, исключительно как норманнские. А потому и говорить о Руси славянской можно только с Владимира. До него Древней Руси, в привычном нам понимании, не существовало, а вместо нее существовало особое государство, первооткрывателем которого можно назвать самого Скрынникова, так как до него ни один источник такого государства не знает, а именно Восточно-Европейская Нормандия. Следует особо подчеркнуть, что монография Скрынникова «История Российская IX–XVII вв.», в которой он высказывает вышеприведенные суждения, издана как пособие для абитуриентов и учащихся старших классов для углубленного изучения истории. По всей видимости, по мысли автора, данная работа призвана воспитать из русских подростков настоящих европейцев.

Подобные идеи ультра норманизма находили отклик в сердцах иностранцев, находящихся на вершине власти в Российской империи, начиная уже со времен Петра Первого. В XIX веке мало что изменилось. Именно поэтому, несмотря на менявшиеся парадигмы развития России от ультразападничества при Петре Первом до умеренного национализма и консерватизма Николая Первого, идеи норманизма находили отклик в сердцах русских людей XIX века. Находят они отклик и в умах ультразападников современности, призывающих российскую власть отказаться от национальных интересов и с распростра-

тыми объятиями идти навстречу коллективному Западу.

Ультранорманизм, как и более умеренный норманизм, резко критикуется историками-антинорманистами. Сразу же после возникновения идеи завоевания славян норманнами началась ее резкая критика М.В. Ломоносовым (см.: Ломоносов, 1952). Под влиянием этой критики Г.Ф. Миллер, который считается вторым, после Байера, а иногда и основоположником норманизма, изменил свои взгляды на возникновение русской государственности. Так, Байер делал вывод о том, что призвание варягов – это политический акт поражения славянского и финно-угорского населения перед боевыми дружинами храбрых викингов, которые извне принесли начала политической жизни на просторы Русской равнины и положили начало русской государственности. Миллер формулирует иное понимание появления Рюрика и его братьев на славянской земле. Их призвание – результат найма дружин викингов для охраны Новгородской земли. Как мы видим, коннотация предания о призвании Рюрика меняется. Осмысливая предание о призвании варягов, Миллер отмечает, что приглашающая сторона создает условия для того, чтобы приглашенные викинги выполняли именно те функции, которые и были определены рядом (договором). Также, чтобы они не смогли узурпировать власть в племенном союзе, их разделяют – рассаживают по разным крепостям и в разных племенных центрах: Рюрика – в Ладогу, Синеуса – в Белоозеро, Трувора – в Изборск. И лишь спустя определенный промежуток времени, после смерти своих братьев, Рюрик становится единовластным правителем во всем племенном союзе словен, кривичей, чуди и веси. Захват власти в Новгороде – точка отсчета для утверждения варягов в качестве господствующей силы во всей Русской земле. Таким образом, несмотря на несколько разные акценты в осмыслении предания о призвании варягов, родоначальники норманизма уверены в одном:

летописные варяги – это скандинавы, скорее всего шведы. И именно этот вывод считал ошибочным М.В. Ломоносов.

Здесь необходимо отметить, что мнение Ломоносова об ошибочности выводов Байера-Миллера связано не с его ультрапатриотическими взглядами, которые якобы заставляли ученого вопреки данным источников отстаивать небылицы о происхождении варягов и их роли в русской истории, отрицая «очевидное» и «само собой разумеющееся», а именно с неувязками и прямыми ошибками в работах родоначальников норманизма, на которые он и указал в своем знаменитом произведении «Замечания на диссертацию...» (см.: Ломоносов, 1986). Гениальная прозорливость ученого, которого многие исследователи пытаются представить химиком, физиком, литератором, но не историком (см. подробнее: Фомин, 2006), позволила ему собрать корпус неоспоримых доказательств того, что варяги – это не норманны, который до сих пор используется как некая целостная система современными историками-антинорманистами. Назовем основные компоненты этой системы:

1) в самой Скандинавии этноним «русь» неизвестен, но именно оттуда историки-норманисты его выводят и распространяют затем на территорию, населенную восточнославянскими племенами;

2) скандинавские источники не зафиксировали призвание Рюрика в Гардарики (наименование Руси в скандинавских источниках), хотя о более поздних путешествиях в нашу страну содержится довольно подробная информация;

3) в летописи четко зафиксировано, что приглашенные варяжские князья клялись славянскими, а не норманнскими богами (тут, впрочем, можно признать гениальную хитрость скандинавов, которые, по мнению Л.С. Клейна (см.: Клейн, 2009), прятали идолов своих настоящих богов в трюмах кораблей, а на виду клялись чужими богами, чтобы быстрее «втереться в доверие» к наивным славянам;

4) историк ввел новый документ – окружное послание византийского патриарха Фотия, говорившее о пребывании росов на Черном море до призвания Рюрика и перечеркивающее мнение Миллера об отсутствии в Причерноморье до варягов этнонима «русь»;

5) ученый указал на наличие на юге будущего Киевского государства топонимов с корнем -рос- (например, приток Днепра Рось-река) до призвания и распространения термина «русь» с севера.

В своей критической части воззрения Ломоносова представлены более целостно, чем в позитивной: как настоящий историк он следует данным источников, а они слишком противоречивы. Вследствие этого ученый намечает путь развития науки, по которому пойдут следующие поколения антинорманистов в поисках ответа на тот вопрос, которым задавался еще киевский летописец: «Откуда есть пошла Русская земля...». В целом, М.В. Ломоносов доверяет сказанию о призвании варягов и считает, что Рюрик с братьями были призваны «из-за моря». Только приходят они не из Скандинавии, а с южных берегов Балтийского моря. Фраза «из-за моря» вовсе не означает «с противоположного берега моря», как об этом любят писать норманисты. Коннотация источникового материала позволяет утверждать, что «из-за моря» – это более широкое понятие, означающее «издалека», «из другой страны». А данные летописи недвусмысленно позволяют говорить о том, что приглашенные варяги – это славяне: они основывают города и дают им славянские названия, клянутся славянскими богами, знают «славянский закон». В IX столетии все южное побережье Балтийского моря было населено славянскими племенами. Логичнее предположить, что «приглашали на княжение» тех, кто знает традиции и обычаи, чтобы судить и рядить по праву, а это свои, близкие прибалтийские славяне, можно сказать двоюродные братья, а не «седьмая вода на киселе» – скандинавы.

Противоречивость источниковой базы позволяла делать исследователям довольно пространные построения картины далекого прошлого. По этому пути пошли историки-антинорманисты в первой половине XIX века, вследствие чего исследования М.А. Максимовича (Максимович, 1837), Ф.Л. Морошкина (Морошкин, 1840, 1842), С. Руссова (Руссов, 1836) и других выглядели нереалистичными, вызывали критику и неприятие. Совсем по-другому воспринималась норманнская концепция, считавшаяся более доказательной и подержанная ведущими учеными-историками того времени. К тому же ее придерживались многочисленные сановники-иностранцы, находящиеся у власти при Александре I и Николае I. Также она позволяла объяснить устремленность высшего русского общества стать частью Европы, что вполне соответствовало пониманию русской национальной идентичности в то время.

В условиях, когда норманизм, казалось бы, надежно занял место ведущей концепции, объясняющей процесс происхождения Русского государства, появляется работа С.А. Гедеонова «Отрывки исследований о варяжском вопросе», опубликованная в «Записках императорской Академии наук» в 1862–1863 гг., а затем вышедшая отдельной монографией под названием «Варяги и Русь» (1876). Автор пошагово развенчивает мифы норманистов, опираясь на данные многочисленных привлеченных источников. После работы Гедеонова норманисты были вынуждены отказаться от многих своих позиций (см.: Гедеонов, 1876).

Своеобразной автохтонной теорией политогенеза у восточных славян является концепция И.Е. Забелина (Забелин, 1876). Он считал, что славяне – исконные жители тех мест, которые зафиксированы в «Повести временных лет» (далее ПВЛ). Поселились они на этих территориях, может быть, еще за несколько веков до новой эры. Точно определить их прародину затруднительно. Определившись так с исходным

моментом политогенеза у восточных славян, Забелин характеризует затем долгий и сложный исторический процесс, в соответствии с которым из мелких родовых союзов вырастали у восточных славян племена, среди них возникали города как центры ремесла и торговли, из среды этих городов вырастали главные, или старшие, города, составлявшие с младшими городами и пригородами племенные союзы, и, наконец, главные города разных племен стали объединяться в один общерусский союз. Забелин изображает процесс внутреннего созревания государственных институтов внутри славянской среды. Можно отметить, что он, выделяя внутренний процесс складывания государственности, методологически предвосхищает исторические построения относительно начала Руси советских историков. В соответствии с данным, материалистическим, подходом к процессу государствообразования у восточных славян, совершенно неважным становится этническое происхождение Рюрика и его братьев. Совсем по-другому представляется и роль варягов в процессе политогенеза у восточных славян – это вовсе не ключевое, а рядовое событие в истории Руси, точнее племенного союза словен, кривичей и примкнувших к ним финно-угорских племен. Однако историк все же отметил, что название «русь» связано с Балтийским поморьем, точнее южным берегом Балтийского моря. Там находится область *Rusia*, остров Рюген – Руяна, Рана, который в средневековых источниках назывался *Russia*. Эта область и есть родина варягов, которых Забелин отождествляет с ваграми, прибалтийскими славянами.

Что же собой представляет так называемое «Варяжское сказание» (или «Сказание о призвании варягов», далее – «Сказание...»), внесшее «смуту в головы» русских людей XVIII–XIX веков и до сих пор оставляющее неоднозначное впечатление у специалистов и любителей русских древностей (о чем свидетельствует рост популярности так называемых, альтернативных исторических теорий, которые искус-

ственно удревняют историю Руси)? Во-первых, исследователи обратили внимание на ее «вставной» характер, так как она явно выбивается из повествования летописца о полянах и южной Руси в целом. То есть перед нами работа редактора (историки насчитывают, как правило, три редакции ПВЛ), который по своим, теперь мы можем сказать, что только ему ведомым причинам, пытался переосмыслить события прошлого. Однако признание редактирования исторического источника вовсе не исключает достоверности излагаемых в нем событий. В принципе исторические предания не возникают «на пустом месте». Для новгородцев контакты с варягами были важной частью их общественной жизни, что и нашло отражение в летописных преданиях Новгорода Великого (так называемые Новгородские летописи), а затем уже они были отображены и в ПВЛ. Как известно, Новгород рано включился в систему товарообмена между Европой (с Севера) и мусульманскими странами и Византией (с Юга), являясь важной точкой пересечения торговых путей. На Балтике посредническую роль в международной торговле играли прибалтийские славяне, контакты с которыми являлись очень интенсивными, вплоть до X–XI вв., о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки (которые, кстати, очень часто выдают за скандинавские). Так что варяги появились на страницах русских летописей вовсе не случайно.

Таким образом, даже если учесть всю политическую обстановку, в условиях которой писались ПВЛ и Новгородские летописи и которая якобы способствовала тому, чтобы «придумать» легенду о практике приглашения князей, а также желание новгородцев прославить свой город, все же остается вопрос: почему неизвестный редактор ПВЛ связывал происхождение государственности у словен, точнее у всего *Северного союза племен*, куда входили как славянские племена (словене, кривичи), так и не славянские (чудь, весь), с варягами. Ответ очевиден: выбор был сделан

не случайно, а это означает, что на Севере, в Новгороде, сохранились исторические предания о первых князьях, которые и были отражены в варяжской легенде. Следовательно, с нашей точки зрения, призвание варягов – не политический или какой-то иной вымысел, а реальное историческое событие, способствующее укреплению Северного союза племен (особенно после того, как Рюрик стал единоличным правителем) и, в конечном итоге, ведущее к образованию единого Древнерусского государства.

Вызывает вопросы не только смысл, но и сам текст «Сказания...». Так, в летописи говорится о том, что посольство Северного союза племен отправилось куда-то «за море» (точное место не называется, но указывается, что к известным им варягам, к руси). При этом в тексте «Сказания...» подчеркивается, что посольство отправилось не просто к варягам, а к варягам-руси, соседствующим с агнянами (англами), которые, как известно, проживали в южной части Ютландского полуострова. Следовательно, летописец четко ориентирует нас на южный берег Балтики как на родину очень хорошо известных ему варягов. Однако в этом месте «Сказания...» содержится информация, которая, на первый взгляд, вызывает недоумение: среди народов, которые направляли посольство к варягам, названа русь («реша русь, чюдь, словени и кривичи и вси»). Таким образом, получается, что какая-то русь была и приглашенной, и приглашающей стороной. На это противоречие обратил внимание И.Н. Болтин в своем труде «Примечания на “Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка”». «Следуя летописи Иоакимовской, – пишет Болтин, – Гостомысл, дожив до глубокой старости и видя приближающуюся к себе кончину, созвал к себе всех вельмож своих от славян, *руси* (курсив мой. – И. С.), чуди, веси, мери, кривич и дрягович и советовал им призвать на княжение по себе внука своего, дочерня сына из *варяго-русов* (курсив мой. – И. С.)» (Болтин, 1990: 26).

Данное положение «Сказания...» пока не находит должного внимания со стороны норманистов и антинорманистов. В большинстве случаев историки либо обходят эту информацию стороной, никак не комментируя, либо указывают на ошибку поздних переписчиков, либо на позднюю вставку вышеуказанных выражений, отчего и получается двусмыслица. При этом сторонники норманнской концепции говорят об искусственной вставке выражения «и реша русь...», недвусмысленно свидетельствующее о том, что какая-то неизвестная русь была уже в составе Северного союза племен до самого призвания варягов, а историки-антинорманисты выступают против отождествления варягов и викингов.

Неясность источниковых данных позволяет выстраивать различные интерпретации и гипотезы, которые определяют путь дальнейших поисков, но не решают проблему по существу. Как уже нами было отмечено (Скрипкин, 2016: 124), возможны различные решения. Например, вполне возможно говорить о группе русов, которых можно локализовать на территории северо-западной части будущего Киевского государства и которые контактировали со словенами, кривичами, чудью. Данное утверждение вполне согласуется с данными о распространении этнонима «русь» на острове Эзель, близ Эстонии, и в устье Немана, географически близлежащих территориях к границам племенных союзов кривичей, чуди и новгородских словен, по преданию отправивших посольство к варягам. Также можно предположить о переселении группы русов из-за моря, которых можно отнести к группе варягов-русов (археологические данные свидетельствуют о миграционном потоке, наблюдавшемся в середине IX в., а именно из области Южнобалтийского поморья и северо-западной части Северного моря (фризы) в Приильменье). Тогда вполне законно говорить о длительных контактах между славянскими и угро-финскими племенами и варягами-русью и о заранее определенном посоль-

стве к известным варягам. И призывали тогда не абы кого, а тех, кто мог судить и рядить по праву. Чтобы это делать, для начала надо знать и язык, и законы. Соответственно, наиболее подходящими «кандидатами» могли быть близкие прибалтийские славяне, а не чуждые викинги.

Ответить однозначно на тот вопрос, «Откуда есть пошла Русская земля»), опираясь только на «Сказание...», невозможно. Между тем, тенденциозность историков превратила историю о призвании варягов в доказательство привнесения государственности, культуры на землю восточных славян более развитыми европейцами. Из этого делался вывод о неспособности славян без внешнего вмешательства со стороны более развитых европейцев создать свое государство. Да и в принципе Русь всегда развивалась за счет внешних заимствований: будь то Византия, Европа или даже Степь.

Не вполне корректно, но все же можно представить спор норманистов и антинорманистов как частный случай спора западников и славянофилов. Это, по сути, вопрос о выборе пути развития: нужно ли идти по пути Запада (на тот момент Европы; в наше время понятие Запад более широкое), ибо этот путь изначальный, так как самой цивилизацией мы обязаны ему. Или нужно искать свой собственный путь, так как само обращение к Западу позднее, причем сам поворот – явление, в общем-то, недавнее, а до петровских реформ Россия благополучно развивалась вполне самостоятельно. Возможно, проблема призвания варягов потому остается проблемой, что наше общество до сих пор еще не определилось, по какому пути ему дальше развиваться.

Литература

- Байер, Г.З. Сочинение о варягах. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1767. 56 с.
- Болтин, И.Н. Примечания на «Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» // Сборник материалов по истории исторической науки СССР. М.: Высшая школа, 1990. С. 21-86.

Гедеонов, С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. 2. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1876. 47 с.

Губарев, О.Л. Л.С. Клейн и «варяжский вопрос» // Лев Клейн [Путеводитель]: Сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2020. С. 106-115.

Забелин, И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. 668 с.

Карамзин, Н.М. История государства Российского. Т. 1. М.: Эксмо, 2003. 1024 с.

Клейн, Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.

Ломоносов, М.В. Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Репорт в канцелярию академии наук. 16 сентября 1749 г. // Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т. 2. История. Филология. Поэзия. М.: Наука, 1986. С. 18-22.

Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747-1765 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 689 с.

Максимович, М.А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев: Унив. тип., 1837. 148 с.

Миллер, Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. СПб.: [Тип. Акад. Наук], 1788. 132 с.

Морошкин, Ф.Л. Исследования о руссах и славянах. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1842. 172 с.

Морошкин, Ф.Л. О значении имени руссов и славян. М.: Унив. тип., 1840. 304 с.

Мошин, В.А. Варяго-русский вопрос // *Slavia Casopis pro slovanskou filologii*. Ročník X. Sesit 3. Praha, 1931. 378 с.

Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 7. История Пугачева: Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. М.: ГИХЛ, 1962. 463 с.

Руссов, С. О древностях России. Новые толки и разбор их. СПб.: печ. при Рос. акад., 1836. 106 с.

Сенковский, О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности и мод. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1834. С. 1-77.

Скрипкин, И.Н. К вопросу о значении термина «русь» в отечественных источниках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 8-1. С. 119-124.

Скрипкин, И.Н., Шкурят, П.А. «Варяжский вопрос» как предмет спора ученых-историков: подходы, дискуссии, результаты // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 4. С. 13-18.

Скрынников, Р.Г. История Российская IX–XVII вв. М.: «Весь мир», 1997. 496 с.

Фомин, В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М.: Русская панорама, 2006. 462 с.

Шлёцер, А.Л. Нестор. Ч. 1. СПб.: Императорская тип., 1809. 475 с.

Шлёцер, А.Л. Нестор. Ч. 2. СПб.: Императорская тип., 1816. 832 с.

References

Bayer, G. Z. (1767), *Sochinenie o varyagakh* [Essay about the Varangians], at the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Boltin, I. N. (1990), “Notes on ‘The history of antiquity and immersion of Russia in Leclerc’”, *Sbornik materialov po istorii istoricheskoy nauki SSSR* [Collection of materials on the history of historical science of the USSR], Vysshaja shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Fomin, V. V. (2006), *Lomonosov. Geniy russkoy istorii* [Lomonosov: The Genius of Russian history], Russkaja panorama, Moscow, Russia (in Russ.).

Gedeonov, S. A. (1876), *Varyagi i Rus'. Istoricheskoe issledovanie. Chast' 2.* [Varangians and Rus. Historical research. Part 2], Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Gubarev, O. L. (2020), “L. S. Klein and ‘Varangian question’”, *Lev Kleyn [Putevoditel']*. *Sbornik statey pamyati L'va Samuilovicha Kleyna* [In the collection: Lev Klein. [Travel guide]. Collection of articles in memory of Lev Samuilovich Klein], Institut istorii material'noy kul'tury RAN, St. Petersburg, Russia, 106-115 (in Russ.).

Karamzin, N. M. (2003), *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Tom 1* [History of the Russian state. Vol. 1], Jeksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Klein, L. S. (2009), *Spor o varyagakh. Istorija protivostoyaniya i argumenty storon* [The dispute about the Varangians. The history of the confrontation and the arguments of the parties], Eurasia, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Lomonosov, M. V. (1952), *Polnoe Sobranie Sochineniy. Tom 6. Trudy po russkoj istorii, obshhestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii* [Complete works. Vol. 6. Works on Russian History, socio-economic issues and geography], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow-Leningrad, USSR (in Russ.).

Lomonosov, M. V. (1986), "Remarks on the dissertation of G. F. Miller 'The origin of the name and the people of Russia'. Report to the office of the Academy of Sciences. 16 September 1749", *Lomonosov, M. V. Izbrannye proizvedeniya. Tom 2. Istorija. Filologija. Pojezija* [Lomonosov M. V. Selected works. Vol. 2. History. Philology. Poetry], Nauka, Moscow, Russia, 18-22 (in Russ.).

Maksimovich, M. A. (1837), *Otkuda idet Russkaya zemlya* [Whence comes the Russian land], Universitetskaja tipografija, Kiev, Russia (in Russ.).

Miller, G. F. (1788), *O narodakh izdrevle v Rossii obitavshikh* [About the peoples who lived in Russia since ancient times], Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Moroshkin, F. L. (1840), *O znachenii imeni russov i slavyan* [On the meaning of the name of the Russ and Slavs], Universitetskaja tipografija, Moscow, Russia (in Russ.).

Moroshkin, F. L. (1842), *Issledovaniya o russakh i slavyanakh* [Studies on the Russ and Slavs], Tipografija K. Vingebera, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Moshin, V. A. (1931), "The Varyago-Russian question", *Slavia Casopis pro slovanskou filologii. Rocnik X. Sesit 3* [Slavia magazine for Slavic philology. Issue 10. Vol. 3], Prague, (in Russ.).

Pushkin, A. S. (1962), *Sobranie sochineniy v 10 tomakh. Tom 7. Istorija Pugacheva: Istoricheskie stst'i i materially. Vospominaniya i dnevniki* [Collected works in 10 volumes. Volume 7. The history of Pugachev: Historical articles and materials. Memoirs and diaries], Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Moscow, Russia (in Russ.).

Russov, S. (1836), *O drevnostaykh Rosii. Novye tolki razbor ikh* [About the antiquities of Russia. New conversations and analysis of them], St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Senkovsky, O. I. (1834), "Scandinavian Sagas", *Biblioteka dlya chit'ya, zhurnal slovesnosti, nauk, iskusstv, promyshlennosti i mod* [Library for reading, journal of literature, sciences, arts, indus-

try and fashion], Vol. 1, Ed. 3, St. Petersburg, Russia, 1-77 (in Russ.).

Shletzer, A. L. (1809), *Nestor. Chast' 1*. [Nestor. Part 1], Imperatorskaja tipografija, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shletzer, A. L. (1816), *Nestor. Chast' 2* [Nestor. Part 2], Imperatorskaja tipografija, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Skrinnikov, R. G. (1997), *Istorija Rusi IX–XVII vv.* [Russian history in 9th–17th centuries], "Ves' mir", Moscow, Russia (in Russ.).

Skripkin, I. N. (2016), "On the question of the meaning of the term 'Rus' in patronymic sources", *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 8-1, 119-124 (in Russ.).

Skripkin, I. N., Shkurat, P. A. (2019), The "Varangian question" as the subject of disputes among historians: approaches, discussions, results, *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education]. 4, 13-18 (in Russ.).

Zabelin, I. E. (1876), *Istorija russkoj zhizni s drevneyshikh vremen. Chast' 1* [History of Russian life since ancient times. Part 1], Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Скрипкин Иван Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-экономических наук Липецкого казачьего института технологий и управления (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», ул. Краснознаменная, влд. 4, г. Липецк, 398006, Россия; Ivan-skripkin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ivan N. Skripkin, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Economic Sciences, Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management, 4 Krasnoznamennaya St., Lipetsk, 398006, Russia; Ivan-skripkin@yandex.ru